

РЫНОЧНЫЕ РЕФОРМЫ В ВОСПРИЯТИИ НАСЕЛЕНИЯ СССР/РОССИИ В НАЧАЛЕ 1990-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕНЗЕНСКОЙ ОБЛАСТИ)¹

Аннотация.

Актуальность и цели. В 2016 г. Россия отметит 25 лет своей новой истории, связанной с выходом из СССР и распадом последнего. Несмотря на четвертьвековую ретроспективу данного процесса, сегодня все чаще разворачиваются дискуссии о сроках завершения данной трансформации, отражения ее сущностного проявления в реальных практиках российского общества, а также о причинах сложностей модернизационного развития российского государства на современном этапе. По нашему мнению, изучение вышеуказанных аспектов невозможно без глубокого анализа эволюции советского менталитета в русле зависимости успеха экономических преобразований от социального восприятия реформы собственности (приватизации) 1990-х гг. и связанных с ним поведенческих реакций населения. Целью данной работы выступает изучение уровня восприятия российским социумом содержания и установок радикальных социально-экономических преобразований начала 1990-х гг. в сфере трансформации отношений собственности.

Материалы и методы. Реализация научных задач строится на основе социально-репрезентативных исследований, результатах полевых опросов, отраженных в материалах периодической печати как центрального, так и местного происхождения. Отдельным блоком источников выступает комплекс архивных документов фондов Государственного архива Российской Федерации, Российского государственного архива новейшей истории и Государственного архива Пензенской области. Методологию проведения работы составляют базисные принципы научного познания (историзм и объективность) и специально-исторические методы исследования: историко-системный, статистический, проблемно-хронологический. С целью получения более эффективного результата комплексного анализа социальной рефлексии приватизационных процессов раскрытие ее внутренних связей строилось на основе междисциплинарного категориального и методологического аппарата, необходимость использования которого вытекает не только из тематики работы, но и из признаков проблематизации исторического знания.

Результаты. В статье оценивается возможность эволюции социетальных практик советского человека в условиях социально-культурной трансформации, меняющейся институциональной среды и объективного воздействия рыночных стимулов на модернизацию гражданского общества новой России. Конкретно-исторический анализ переходности и уровня преемственности российского социума в работе основывается не только на общероссийских исследованиях и измерениях общественного мнения, но и на локальном уровне Пензенской области, являющейся по всем параметрам стабильно-типичным регионом с усредненными ценностными архетипами.

Выводы. Перестройка массового сознания советского социума под воздействием рыночных институтов, введенных в рамках радикальных преобразова-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта «Советское общество в условиях социокультурной трансформации (вторая половина 1970-х – начало 1990-х гг.)» № 16-31-00009.

ний 1990-х гг., безусловно, поляризовала общественные устои социалистического уклада и имущественно-собственнические настроения. Вместе с тем темпы такой перестройки менталитета были крайне медленными, что тормозило ожидаемое реформаторами развитие механизмов саморегуляции рынка и естественное образование гражданского общества новой России. Умеренные ожидания от перехода к рынку сменились общественным разочарованием, утерей доверия к власти и партии (КПСС) со стороны населения. Кроме того, население стало прибегать к консервативной тактике внутреннего сопротивления и «безмолвствия», что было прямым следствием ранее господствующих настроений социального иждивенчества и государственного партийного патернализма. Анализ причин данных тенденций позволил заключить, что трансформация отношений собственности в России показала высокую устойчивость советского менталитета к восприятию рыночных институтов.

Ключевые слова: СССР, Россия, Пензенская область, социум, советский менталитет, приватизация, рынок, имущество.

D. V. Yakupova

MARKET REFORMS IN PUBLIC PERCEPTIONS IN THE USSR/RUSSIA IN THE EARLY 1990s (BY MATERIALS OF PENZA REGION)

Abstract.

Background. In 2016 Russia will celebrate 25th anniversary of its new history, associated with the release from the USSR and disintegration of the latter. Despite a quarter-century retrospective of this process, the society quite often debates about the time frame of completion of this transformation, the reflection of its essential existence in the real practices of the Russian society, as well as the reasons for difficulties of the modernization of the Russian state development at the modern stage. In our opinion, the study of the above-mentioned aspects is impossible without a deep analysis of the evolution of “Soviet mentality” in the context of dependence of the success of economic transformation on the social perception of the ownership reform (privatization) of 1990s and the related behavioral reactions of the population. The aim of this work is the study of the level of perception by the Russian society of the contents and installations of the radical socio-economic transformation of the early 1990s in the field of property relations transformation.

Materials and methods. The research objectives were implemented on the basis of the socially-representative studies, the results of field surveys, reflected in the periodical press of both central and local origins. Individual unit sources is a complex of archival document collections of the State Archive of the Russian Federation, the Russian State Archive of Contemporary History and the State Archive of Penza Region. The methodology of the work included basic principles of scientific knowledge – historicism and objectivity, and special historical methods of research: historical and systematic, statistical, problem-chronological. For the purpose of obtaining more efficient results of the complex analysis of the social reflection of the privatization process, the disclosure of its internal relations was based on the interdisciplinary categorical and methodological apparatus, the need for which is substantiated not only by the subject of the work, but also by signs of problematization of historical knowledge.

Results. The article traces the evolutionary nature of social practices of Soviet people in terms of the socio-cultural transformation, changing the institutional environment and objective impact of market incentives for modernization of the civil so-

ciety in new Russia. A concrete historical analysis of transitivity and continuity of the Russian society in the work is based not only on the nation-wide research and measurement of public opinion, but also on local-level researches – Penza region, which by all parameters is a consistently-typical region with average value archetypes.

Conclusions. The restructuring of the mass consciousness of the Soviet society under the influence of market institutions introduced with a framework of radical reforms of 1990s, without a doubt, polarized social foundations of the socialist system in the direction of property-proprietary sentiment. However, the pace of adjustment of mentality was very slow, which hindered the development of mechanisms of self-regulation of the market and the natural formation of civil society of new Russia, expected by the reformers. Reasonable expectations of transition to a market economy was replaced by disappointment, loss of confidence in the government and the party (CPSU) by the population. In addition, the population began to resort to conservative tactics of internal resistance and “silence” that was a direct consequence of the previously predominant tendencies of social parasitism and state party paternalism. As a result, the analysis of the causes of these trends allows to conclude that the transformation of ownership relations in Russia confirmed high resistance of the Soviet mentality to perception of market institutions.

Key words: USSR, Russia, Penza region, society, Soviet mentality, privatization, market, property.

Проблемы социального восприятия рыночных реформ, тиражирования либеральных ценностей в массовом сознании и тесно связанные с таковыми вопросы выработки политической элитой соответствующих стратегий сегодня представлены значительным сегментом предметного поля историографии изучения приватизации в СССР – России. Так, обращаясь к анализу результатов научной рефлексии в этой сфере социального знания, О. А. Сухова в качестве одного из ключевых факторов провала очередной попытки модернизационных усилий государства называет сопротивление ментальной составляющей, сформированной длительной исторической традицией государственного присутствия в экономике и провоцирующей воспроизводство антисобственнических устремлений, а также тотальное рассогласование (пропаганда народного капитализма) и заведомую иллюзорность декларируемых и реализуемых в практической плоскости целей приватизации [1, с. 1020–1022].

Весьма продуктивным в этом отношении будет проведение исторической аналогии с периодом реформистских потуг имперского правительства в начале XX в. Как известно, модернизационные процессы болезненно воспринимались деградирующей политической элитой российского общества – дворянством и индифферентно – основной массой населения страны. В поисках ответа на противоречия либерализации «темная невежественная масса» (в оценках дворян) выберет привычный для себя путь адаптации – «бунт» и «пугачевщину» [2, с. 4–5].

В преддверии реформ начала 1990-х гг. мнение большей части советского общества также оставалось инертным. При этом, согласно социологическим исследованиям 1990 г., 83 % опрошенных пребывали в уверенности, что экономические трудности вызваны ошибками руководства, и лишь 17 % полагали, что причина в хозяйственной порочности самого социализма [3, с. 3]. Это формировало убежденность в необходимости смены политиче-

ского режима в стране. Одновременно результаты опросов свидетельствуют о том, что население ориентировалось не на активную включенность в процесс частнохозяйственной деятельности, а на возможность по окончании реформ получить необходимый достаток через модернизированную систему госраспределения.

Вместе с тем сохранялось настороженное отношение к рыночным преобразованиям. Так, в мае 1990 г. ВЦИОМ проинформировало Совет Министров СССР, что 56 % респондентов поддерживают переход к рынку, но 60 % считают, что в ближайшее время он не принесет позитивных результатов и, возможно, спровоцирует политический кризис [4, л. 225].

На фоне развернувшихся дискуссий о темпах и задачах рыночных реформ в течение лета – осени 1990 г. содержание массовых настроений претерпело существенные изменения: приметой времени становится нарастание пессимизма, сокращение надежд на улучшение жизни, повышение тревожности за свое будущее и будущее страны. Так, в ответах на вопрос о социальных потерях в прошедшем (1990) году около 40 % опрошенных назвали «терпение народа», 1/3 – «уровень жизни», «порядок в экономике» [4, л. 233 об.].

Проведенный в декабре 1990 г. мониторинг общественных настроений показал, что более половины населения страны считают экономическое положение критическим, а 37 % – неблагоприятным. Подавляющее большинство респондентов оценивало 1990 г. как более тяжелый по сравнению с предыдущим, 70 % ожидали ухудшения ситуации в ближайшей перспективе, при этом 54 % опрошенных сочли возможным наступление в 1991 г. экономической катастрофы, 49 % – массовой безработицы, 42 % – голода, 51 % – перебоев с подачей воды и электроэнергии. Малоутешительной представлялась и перспектива выхода из состояния кризиса: 45,8 % опрошенных относили этот период на начало 2000 г., а 12 % полагали, что разрешить противоречия вообще не удастся [5, с. 40]. Опросы общественного мнения, проведенные в 1990 г. Пензенским областным советом профсоюзов, показали, что более 70 % тружеников области ожидали ухудшения своего материального положения, около 60 % считали, что попадут в группу малообеспеченных, и только 2 % твердо были уверены, что не станут безработными [6, с. 1]. Вместе с тем нарастал и вектор критичности по отношению к собственному прошлому: 60 % опрошенных назвали главными проблемами советской экономики дефицит, очереди и бедность, что не могло не отразиться на состоянии социально-политической стабильности в стране [6, с. 8].

В этих условиях установки «советского человека более чем когда-либо определялись перманентной нереализованностью идеала» [7, с. 145]. Появились очевидные признаки перехода от традиционного недоверия к власти к разочарованию в «избранниках, забывших предвыборные обещания и доведших основную массу людей до нищеты» [8]. Неудавшаяся попытка государственного переворота стала финальным аккордом делегитимизации союзного центра в сознании россиян. Деградация и кризис партийной вертикали власти, ее неспособность возглавить процесс идеологического обновления социума спровоцировали формирование в массовом сознании устойчивого представления о прямой зависимости негативных последствий реформ и слабостью, бессилием партии, что спровоцировало массовый выход из рядов КПСС [9, л. 74–75]. Политика департизации и последовавшая далее ликвида-

ция обкомов КПСС с августа 1991 г. стали последними звеньями в цепочке кризиса аппарата партийного управления.

Тем не менее, принимая во внимание традиционные механизмы социально-политического взаимодействия, обусловленные сохранением «раздвоенной» экономической модели, трудно прогнозировать в этот период рост гражданских инициатив, сопряженных с восприятием либеральных ценностей. Общество, пропитанное «настроениями социального изживенчества, государственного (партийного) покровительства, ожиданием милости», оказалось на перепутье, утратило привычные и понятные ориентиры [10, с. 47].

Эта ситуация была максимально использована руководством России для укрепления собственных позиций. Так, с трибуны VI съезда народных депутатов РСФСР президент Б. Н. Ельцин объяснял необходимость скорейшего начала рыночных реформ, апеллируя к нуждам и чаяниям масс: «Большинство населения твердо уверено в том, что необходимо пережить значительное, но временное снижение уровня жизни, чтобы встать, наконец, на путь преодоления нынешнего нищенского состояния народа» [11, л. 144]. Такая конструкция выступала единственным «якорем», обеспечивавшим относительную стабильность социально-политической обстановки в России, в связи с чем власти предпочитали закрывать глаза на многие особенности стратегии преобразований, не вписывавшиеся в декларируемую либеральную модель социальной политики. На самом деле уровень тревожности социальных ожиданий оставался предельно высоким. В то же время в ходе проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения в ноябре 1991 г. опроса («Как вы думаете, мы переживаем сейчас самые тяжелые времена или они позади/впереди?») 69 % респондентов ответили, что «они еще впереди», 21 % – «мы их переживаем сейчас» [6, с. 6, 20, 21].

Экстремальность повседневных стратегий в условиях шокотерапии совсем не способствовала росту доверия к власти, особенно в регионах группы риска, где ожидалось серьезные структурные изменения в экономике. Так, производственная сфера народнохозяйственного комплекса Пензенской области, ориентированная большей частью на военно-промышленный комплекс, сразу же окажется в состоянии коллапса, что спровоцирует рост недовольства. По результатам проведенного в 1992 г. опроса общественного мнения в регионе 65,9 % респондентов не доверяли правительству, 21 % опрошенных не смогли определиться с ответом и лишь 13,3 % высказали свое положительное отношение к политическому руководству [12, с. 1].

При таком уровне недоверия было очевидно, что уже на этапе подготовки к радикальным реформам социум проявит внутреннее сопротивление. Впоследствии это четко проявилось в так называемом «безмолвствии», саботаже начинаний властей: люди не торопились идти за ваучерами, вникать в новые социально-экономические процессы и перестраиваться под новые условия. В доказательство этому можно привести итоги Всесоюзного мониторинга общественного мнения, проведенного на предприятиях Пензенской области перед началом приватизационных мероприятий [13, с. 2]. Согласно данным опроса большинство рабочих выступили сторонниками перехода к рыночной системе (21 % – за быстрый переход, 46 % – за постепенный, 28 % – против перехода). Но при этом 60 % респондентов в трудовых коллективах не имели ясных представлений о положительных и отрицательных сто-

ронах рыночной экономики, хотя и связывали с негативными последствиями рост цен, инфляцию (45 %), социальное расслоение (39 %), конкуренцию (27 %). В то же время только 27 % соотносили переход с ростом материального благосостояния, 25 % – со свободой труда, предпринимательством, с частной собственностью, а еще 20 % – с высокой производительностью и качеством труда, 27 % были уверены, что рыночная экономика выведет страну из кризиса. На вопрос о будущем своего предприятия ответы распределились так: «предприятия получают полную хозяйственную самостоятельность» (22 %), «появится возможность самим распоряжаться продукцией и результатами труда» (30 %), «увеличатся доходы работников» (22 %), «появится личная заинтересованность в производительности труда» (24 %). На вопрос, «каким вы предпочли бы видеть предприятие?», ответы респондентов были следующими: 28 % – совместное с зарубежным, 21 % – акционерным, 19 % – госкооперативным объединением, 13 % – частным и только 4 % – арендным. Таким образом, трудовые коллективы явно ожидали позитивных перемен «сверху», надеялись на изменение подходов к управлению и повышение доходов, но в целом не имели четких ориентиров, понимания и восприятия направленности и характера происходивших изменений.

Следует признать, что завышенные ожидания были присущи и политическому руководству, рассчитывавшему на проявление массовой инициативы, пробужденной рыночными институтами и распространением собственных настроений. Как позже отметит Е. Т. Гайдар, «складывалось впечатление, что экономическая реформа есть, а социально-политической реформы пока нет» [14].

Современные же исследователи, отмечая незрелость институтов гражданского общества в России в рассматриваемый период и прочность традиций патернализма, уверенно характеризуют исходное состояние социальных ожиданий как «пассивное, покорное, с равнодушием и надеждой» [15, с. 73].

Вместе с тем суровые реалии вынуждали население реанимировать самые архаичные стратегии адаптации. Прежде всего речь идет о поиске форм трудовой активности, компенсирующих резкое сокращение доходов занятых в производственной сфере россиян. Как верно отмечает Ю. Н. Ковалевская, «при изучении стратегий адаптации степень приспособленности определяется по денежному доходу человека <...>» [16, с. 66]. Так, по результатам проведенных исследований 1990-х гг. почти 40 % опрошенных занимались индивидуальной трудовой деятельностью: шили, вязали, ремонтировали квартиры и машины. В ряде случаев перечисленные услуги оказывались не посторонним, а знакомым, и не за деньги, а в качестве взаимных услуг. Итоги такой межсемейной взаимоподдержки в крупных городах были значимы для 22 % семей [17]. Вполне закономерно и то, что большую часть доходов население России получало в теневом секторе. Отсюда следовала и непросчитанная в дальнейшем социальная политика государства. Тот неявный консенсус власти и населения материализовался в весьма сложную модель экстремальных повседневных практик, на которой в первое десятилетие после либеральных реформ строило свою жизнь большинство населения страны [18].

Приватизация, безусловно, способствовала развитию прежде неизвестных, негативных явлений: социальной незащищенности работников в новых трудовых отношениях, массовой безработицы, резкой «поляризации» на бед-

ных и богатых [19, с. 82–83]. В частности, в Пензенской области в 1991 г. количество незанятого трудоспособного населения составило 28,4 тыс. человек, в 1992 – 82,2 тыс. человек [20, л. 123].

Опросы, проведенные на пензенских предприятиях уже после запуска программы приватизации, показали неоднородность мнений работников, а также высокую степень их негативных ожиданий. Так, 70 % респондентов сошлись во мнении, что приватизация жилья приведет к ухудшению жилищных условий. Свыше 70 % опрошенных трудящихся тревожил резкий рост безработицы, а более 50 % считали, что от изменения форм собственности выиграет государство и теневая экономика, а малообеспеченные слои населения и работники непродуцированной сферы проиграют. Вместе с тем 88 % считало, что оплачивать детские дошкольные учреждения должно предприятие, что отражало взгляд на сохранение социальной сферы в руках государства [21, с. 3].

Стартовавшая в стране с осени 1992 г. чековая приватизация стала дополнительным фактором обострения социально-политической ситуации, включив в процессы перераспределения собственности работников предприятий [22, л. 101]. Так, по некоторым данным, к концу года 17 % населения России были готовы требовать повышения зарплаты и участвовать в акциях протеста, а в Пензе 26 % опрошенных заявили о необходимости ликвидации поста Президента [23].

По мнению О. В. Нечипоренко, независимо от стратегии реформирования, шоковой или эволюционной, все переходные общества попадали в одинаковое положение: в условиях затяжного экономического кризиса уровень социального обеспечения снижался, резко увеличивалось число социально незащищенных категорий, сокращались доходы населения. В случае с РФ социальные издержки оказались максимально высокими [24, с. 45].

Действительно, до реформ ощутимую часть социальных нужд работников удовлетворяли предприятия. Все это создавало у трудящихся не только ощущение социальной защищенности, но и привычку обращаться со своими нуждами в соответствующие инстанции – профком, СТК и др. Поэтому приватизация и ваучеризация и последовавшее за ней банкротство убыточных предприятий, также как и роспуск Советов, только усугубили шоковое состояние – в сознании людей не фиксировалось никаких признаков улучшения жизненного уровня [25, с. 130].

Рыночная реформа, начатая в лучших традициях «раздаточной экономики» выдачей населению приватизационных чеков, расколола общество на две неравные части: скупщиков ваучеров и их продавцов. Так, по результатам интервьюирования, проведенного в 1992 г., 12,2 % респондентов изначально планировали заняться приобретением ваучеров, при этом та же социальная группа уверенно называла потенциальных продавцов – пенсионеров и малообеспеченных граждан [26, с. 138]. Заместитель коммерческого банка «Тарханы» Е. И. Проскоряков еще за месяц до введения системы приватизационных чеков отметил: «Большая часть владельцев ваучеров поступит именно так – продаст их» [27, с. 1]. Мини-опрос, проведенный в городе Нижний Ломов Пензенской области в октябре 1992 г., также показал, что подавляющая часть населения готова обменять свой чек на деньги. В условиях стремительного обнищания основной массы населения в регионах России возможности

для усвоения рыночных представлений были весьма ограничены. Так, следует отметить, что никто из респондентов не допускал рыночного колебания стоимости ваучера и снижения его цены ниже номинала (10 000 руб.) [28, с. 1].

Стоит признать, что выдача приватизационных чеков по механизму своего осуществления априори не могла стимулировать предпринимательскую деятельность: население видело в этом лишь новый формат распределительных отношений. Население легко освобождалось от чеков, рассчитывая «газ подвести в дом», «на похороны», «пальтишко бы купить», не рассматривая возможности эффективного участия в управлении ценными бумагами. Естественно и то, что спрос породил предложение – в Нижнем Ломове, например, уже в день начала выдачи ваучеров появились и первые объявления о покупке в комиссионных магазинах по цене до трех тысяч рублей [29, с. 1].

Вместе с тем приватизация вопреки ожиданиям не стала фактором обострения социальной напряженности, но в полной степени отождествлялась с радикальными реформами: в рейтинге социальных страхов ее лозунги уступали лидирующие позиции таким общезначимым проблемам, как невыплата заработной платы, снижение доходов и безработица [30, с. 31].

Проведенный анализ социальной рефлексии на трансформацию отношений собственности и неразрывно связанных с ним процессов экономических реформ 1990-х гг. позволяет заключить, что советскому населению было крайне сложно адекватно оценить происходившие изменения. Власти поставили перед собой трудновыполнимую задачу: даровав право на частнохозяйственную деятельность, в одночасье пробудить собственнические настроения в традиционалистски ориентированном социуме. Модель реформы по западному образцу требовала соответствующих идеологических новаций: их отсутствие вызвало кризис и деградацию стержневого элемента советской системы – КПСС.

В итоге в массовом сознании трансформация отношений собственности была прочитана как ключевой фактор реверсии к экстремальным практикам выживания, сходным с архаичными и натурализованными компонентами крестьянского самосознания. Ваучер был включен в систему меновых отношений, вплоть до натурализации последней (когда стоимость чека измерялась бутылкой водки), обращение к которой характерно для ситуации глубокого социально-экономического кризиса, для экстремальных условий существования. Подмена понятий объясняется игнорированием одного из важнейших условий эффективности реформы – ее соответствия базисным инстинктам народа: власти апеллировали к рыночным ценностям в обществе, еще не разорвавшем родовые связи с общинным архетипом и системой патернализма. Это стало одной из причин невысоких темпов развития рыночных механизмов, что и сегодня сказывается на скорости модернизационных процессов.

Список литературы

1. **Сухова, О. А.** История приватизации в России: некоторые результаты научной рефлексии / О. А. Сухова // Известия ПГПУ им. В. Г. Беллинского. – Пенза : ПГПУ, 2012. – № 27. – С. 1019–1023.
2. **Карнишин, В. Ю.** Модернизация и российское общество в начале XX в. / В. Ю. Карнишин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2012. – № 3. – С. 3–8.

3. Огонек. – М., 1990. – № 7.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5446. Оп. 162. Д. 2.
5. **Гайдар, Е. Т.** Гибель империи. Уроки для современной России / Е. Т. Гайдар. – М. : РОССПЭН, 2006. – 448 с.
6. **Космарский, В. Л.** Общественное мнение о переходе к рыночной экономике : науч. докл. / В. Л. Космарский, Л. А. Хахулина, С. П. Шпилько. – М. : ВЦИОМ, 1991. – 68 с.
7. **Булдаков, В. П.** Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления / В. П. Булдаков. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – 204 с.
8. О характере обращений граждан на имя Президента РФ и в адрес Правительства РФ, полученных в 1 квартале 1992 г. // Архив Е. Т. Гайдара. – URL: <http://gaidar-arc.ru> (дата обращения: 18.01.2016).
9. Российский государственный архив новейшей истории (РГАНИ). Ф. 89. Оп. 22. Д. 69.
10. **Соколов, А. К.** Конституционные основы общества и историко-культурное наследие советского прошлого в современной России / А. К. Соколов // «Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России / под ред. Л. И. Бородкина, Х. Кесслера, А. К. Соколова. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 39–76.
11. ГАРФ. Ф. 10 026. Оп. 1. Д. 133.
12. Позиция. – Пенза, 1992. – № 9.
13. Зифовцы об экономике // Фрунзенец. – Пенза. – № 26.
14. Архив Е. Т. Гайдара. – URL: <http://gaidar-arc.ru> (дата обращения: 15.06.2015).
15. **Коэн, С.** «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / С. Коэн. – М. : АИРО, 2011. – 216 с.
16. **Ковалевская, Ю. Н.** Практики выживания населения в условиях рыночных реформ 1990-х гг.: проблемы изучения / Ю. Н. Ковалевская // Ойкумена. – 2011. – № 4. – С. 64–70.
17. **Тихонова, Н. Е.** Российская социальная политика: выбор без альтернативы? / Н. Е. Тихонова, О. И. Шкаратан // Социологические исследования. – 2001. – № 3. – С. 21–32.
18. **Кузьминов, Я.** Российская экономика: условия выживания, предпосылки развития / Я. Кузьминов, С. Смирнов, О. Шкаратан, Л. Якобсон, А. Яковлев // Вопросы экономики. – 1999. – № 7.
19. **Гаврилец, Ю. Н.** Дифференциация населения России по восприятию социально-экономических преобразований / Ю. Н. Гаврилец, Ю. П. Коваленко, Е. Н. Черемных // Экономическая наука современной России. – 1998. – № 3. – С. 78–95.
20. Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р. 2906. Оп. 1. Д. 5.
21. **Лазуткин, И.** Профсоюзы и приватизация. Некоторые итоги социологического исследования / И. Лазуткин // Фрунзенец. – Пенза, 1992. – № 17.
22. ГАПО. Ф. Р. 2038. Оп. 1. Д. 48.
23. Аналитический обзор о состоянии массового сознания в Российской Федерации за октябрь – первую половину ноября 1992 г. // Архив Е. Т. Гайдара. – URL: <http://gaidar-arc.ru> (дата обращения: 18.01.2015).
24. **Нечипоренко, О. В.** Цена реформ / О. В. Нечипоренко // Социологические исследования. – 2007. – № 9.
25. **Арутюнян, Ю. В.** Симптомы исторической трансформации социально-политического сознания русских / Ю. В. Арутюнян // Отечественная история. – 1994. – № 3. – С. 126–142.
26. Время перемен: социально-экономическая адаптация населения / под ред. И. Е. Дискина. – М. : ИСЭПН РАН, 1998. – 229 с.

27. **Медведева, Л.** Не потеряйте шанс, получив ваучер / Л. Медведева // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 87.
28. Ваучеры // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 97.
29. **Генералова, В.** С чеком вас, господи! / В. Генералова // Маяк. – Нижний Ломов, 1992. – № 107.
30. Двадцать лет реформ глазами россиян: опыт многолетних социологических замеров / под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, В. В. Петухова. – М. : Весь Мир, 2011. – 328 с.

References

1. Sukhova O. A. *Izvestiya PGPU im. V. G. Belinskogo* [Proceedings of PSPU n/a V. G. Belinsky]. Penza: PGPU, 2012, no. 27, pp. 1019–1023.
2. Karnishin V. Yu. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University proceedings. Volga region. Humanities]. 2012, no. 3, pp. 3–8.
3. *Ogonek* [The light]. Moscow, 1990, no. 7.
4. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (GARF)]. F. 5446. Op. 162. D. 2.
5. Gaydar E. T. *Gibel' imperii. Uroki dlya sovremennoy Rossii* [The empire's fall. Lessons for modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2006, 448 p.
6. Kosmarskiy V. L., Khakhulina L. A., Shpil'ko S. P. *Obshchestvennoe mnenie o perekhode k rynochnoy ekonomike: nauch. dokl.* [Public opinion on transition to market economy: scientific report]. Moscow: VTsIOM, 1991, 68 p.
7. Buldakov V. P. *Quo vadis? Krizisy v Rossii: puti pereosmysleniya* [Quo vadis? Crises in Russia: ways of reconsideration]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 2007, 204 p.
8. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: <http://gaidar-arc.ru> (accessed January 18, 2016).
9. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv noveyshey istorii (RGANI)* [Russian State Archive of Contemporary History]. F. 89. Op. 22. D. 69.
10. Sokolov A. K. «Sovetskoe nasledstvo». *Otazhenie proshlogo v sotsial'nykh i ekonomicheskikh praktikakh sovremennoy Rossii* [“Soviet legacy”. Reflections of the past in social and economic practices of modern Russia]. Moscow: ROSSPEN, 2010, pp. 39–76.
11. *GARF*. F. 10 026. Op. 1. D. 133.
12. *Pozitsiya* [The position]. Penza, 1992, no. 9.
13. *Frunzenets*. Penza. No. 26.
14. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: <http://gaidar-arc.ru> (accessed June 15, 2015).
15. Koen S. «Vopros voprosov»: *pochemu ne stalo Sovetskogo Soyuzha?* [“The question of questions”: why has USSR vanished?]. Moscow: AIRO, 2011, 216 p.
16. Kovalevskaya Yu. N. *Oykumena*. 2011, no. 4, pp. 64–70.
17. Tikhonova N. E., Shkaratan O. I. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2001, no. 3, pp. 21–32.
18. Kuz'minov Ya., Smirnov S., Shkaratan O., Yakobson L., Yakovlev A. *Voprosy ekonomiki* [Problems of economics]. 1999, no. 7.
19. Gavrilets Yu. N., Kovalenko Yu. P., Cheremnykh E. N. *Ekonomicheskaya nauka sovremennoy Rossii* [Economics of modern Russia]. 1998, no. 3, pp. 78–95.
20. *Gosudarstvennyy arkhiv Penzenskoy oblasti (GAPO)* [State Archive of Penza Region (GAPO)]. F. R. 2906. Op. 1. D. 5.
21. Lazutkin I. *Frunzenets*. Penza, 1992, no. 17.
22. *GAPO*. F. R. 2038. Op. 1. D. 48.
23. *Arkhiv E. T. Gaydara* [Archive of E. T. Gaydar]. Available at: <http://gaidar-arc.ru> (accessed January 18, 2015).
24. Nechiporenko O. V. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological research]. 2007, no. 9.

25. Arutyunyan Yu. V. *Otechestvennaya istoriya* [Russian history]. 1994, no. 3, pp. 126–142.
26. *Vremya peremen: sotsial'no-ekonomicheskaya adaptatsiya naseleniya* [The time of change: socioeconomic adaptation of population]. Ed. by I. E. Diskin. Moscow: ISEPN RAN, 1998, 229 p.
27. Medvedeva L. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 87.
28. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 97.
29. Generalova V. *Mayak* [The beacon]. Nizhniy Lomov, 1992, no. 107.
30. *Dvadtsat' let reform glazami rossiyan: opyt mnogoletnikh sotsiologicheskikh zamerov* [20th anniversary of reforms in the view of Russians: the experience of long-term sociological observations]. Eds. M. K. Gorshkov, R. Krumma, V. V. Petukhov. Moscow: Ves' Mir, 2011, 328 p.

Якупова Дарья Викторовна

аспирант, Пензенский

государственный университет

(Россия, г. Пенза, ул. Красная, 40)

E-mail: bubnova90@mail.ru

Yakupova Dar'ya Viktorovna

Postgraduate student, Penza

State University

(40 Krasnaya street, Penza, Russia)

УДК 94 (470)

Якупова, Д. В.

Рыночные реформы в восприятии населения СССР/России в начале 1990-х гг. (по материалам Пензенской области) / Д. В. Якупова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. – 2016. – № 2 (38). – С. 83–93. DOI: 10.21685/2072-3024-2016-2-8